

УДК 354:55(092) Вернадский В.И.

А. В. ЛАПО (ВСЕГЕИ)

В. И. ВЕРНАДСКИЙ И ГЕОЛКОМ – ЦНИГРИ – ВСЕГЕИ *

Рассматривается в историческом аспекте творческое сотрудничество академика В. И. Вернадского (1863–1945) с коллективом Геологического комитета – ЦНИГРИ – ВСЕГЕИ. С 1909 по 1929 г. Вернадский был штатным членом Присутствия (позднее Научного совета) Геолкома и принимал деятельное участие в его работе. Он тесно взаимодействовал с коллективом Геолкома – ЦНИГРИ и привлекал его сотрудников к решению задач поисков радиоактивных руд в 1914 г., к составлению первой энциклопедической сводки по полезным ископаемым страны в 1914–1920 гг. и пионерным работам по определению возраста геологических образований радиоактивными методами в 1932–1937 гг.

Ключевые слова: *Вернадский, Геологический комитет, ЦНИГРИ, ВСЕГЕИ, полезные ископаемые, радиогеология, история геологии.*

Fruitful collaboration of Academician V. I. Vernadsky (1863–1945) with the team of the Geological Committee – TsNIGRI – VSEGEI is considered in the historical aspect. From 1909 to 1929, Vernadsky was a supernumerary member of the Bureau (later the Scientific Council) of GeolCom and took an active part in its work. He worked closely with the team of GeolCom – TsNIGRI and attracted its staff to meet the challenges of searching for radioactive ores in 1914, to compilation of the first encyclopedic summary on mineral resources of the country in 1914–1920, and the pioneering work on the age determination of geological formations using radioactive methods in 1932–1937.

Keywords: *Vernadsky, Geological Committee, TsNIGRI, VSEGEI, mineral resources, radiogeology, history of geology.*

Жизнь гениального геолога-энциклопедиста, натуралиста, мыслителя, историка науки, общественного и государственного деятеля Владимира Ивановича Вернадского (1863–1945) тесно связана с Санкт-Петербургом – Петроградом – Ленинградом. Родился в доме № 11 по Миллионной улице [21], окончил гимназию, университет, проработал там до 1888 г., затем уехал за границу. С 1892 г. работал в Москве, а в 1911 г. вернулся в Петербург и прожил здесь еще четверть века.

Среди тысяч публикаций о Вернадском нет ни одной, где рассматривались бы его связи с расположенным в Северной столице Геолкомом – ЦНИГРИ – ВСЕГЕИ. Объясняется это тем, что Вернадский никогда не был штатным сотрудником института, однако в течение двадцати лет оставался штатным членом Присутствия Геолкома, впоследствии переименованного в Научный совет, и принимал активное участие в его заседаниях. Это подтверждают журналы заседаний Присутствия, которые публиковались в «Известиях Геолкома» (далее будут цитироваться только важнейшие выступления ученого на этих заседаниях).

Членом Присутствия Геолкома Вернадский стал в 1909 г. после избрания его в академики. На рис. 1 представлены два фрагмента многостраничного Журнала (протокола) заседания Присутствия

Геолкома 20 октября 1909 г. – того заседания, в котором Вернадский впервые принял участие. Верхняя часть рисунка – список участников заседания, а нижняя – последний, 48-й пункт повестки дня: «Академик Вернадский сообщил Присутствию о некоторых вопросах, которые предполагается поставить на обсуждение на съезде естествоиспытателей и врачей, собирающемся в декабре в Москве, и, между прочим, от имени организационного Комитета съезда просил Геологический комитет участвовать в устраиваемой при съезде выставке своими изданиями, главнейшие новыми, еще печатающимися, как 60-ти верстная геологическая карта Европейской России, 100-верстная геологическая карта Сибири и прочее» [10, с. 155].

Удивительно, что Вернадский, впервые принимавший участие в заседаниях Присутствия, обнаруживает хорошую осведомленность о деятельности Геолкома: он дает конкретные рекомендации, какого рода научную продукцию желательно представить на 12-й съезд естествоиспытателей и врачей. По-видимому, эта осведомленность объясняется многолетним знакомством Вернадского с директором Геолкома академиком Феодосием Николаевичем Чернышевым (1856–1914).

Вернадский и Чернышев познакомились еще в 1888 г. на 4-м Международном геологическом

* Статья написана на основе доклада, прочитанного на торжественном заседании Ученого совета ВСЕГЕИ 12 марта 2013 г., посвященном 150-летию со дня рождения В. И. Вернадского.

ИЗВѢСТІЯ ГЕОЛОГИЧЕСКАГО КОМИТЕТА.

Журналъ Присутствія Геологическаго Комитета.

Засѣданіе 20-го октября 1909 года.

Предсѣдательствовалъ Директоръ Комитета, академикъ Θ . Н. Чернышевъ, Присутствовали: Почетный Директоръ, академикъ А. П. Карпинскій, академикъ В. И. Вернадскій, старшіе геологи: А. А. Борисякъ, К. И. Богдановичъ, А. А. Краснопольскій, Н. К. Высоцкій; геологи: К. П. Калицкій, А. П. Герасимовъ, А. В. Фаасъ, В. Н. Веберъ, Н. Н. Яковлевъ; помощники геологовъ: М. Д. Залѣсскій, А. Н. Рябининъ, П. И. Степановъ; приглашенные въ засѣданіе: Л. А. Ячевскій, Э. Э. Анертъ, А. А. Снятковъ, А. К. Мейстеръ, В. П. Ренгартенъ, И. А. Рейнвальдъ, М. М. Пригоровскій, Д. И. Мухометовъ, А. А. Деминъ, Г. І. Стальновъ, А. Н. Замятинъ, С. Ф. Малявкинъ, П. В. Виттенбургъ, консерваторъ А. Н. Державинъ и н. д. секретаря Н. Ф. Погребовъ.

XLVIII.

Академикъ Вернадскій сообщилъ Присутствію о нѣкоторыхъ вопросахъ, которые предполагается поставить на обсужденіе на съѣздѣ естествоиспытателей и врачей, собирающемся въ декабрѣ въ Москвѣ и между прочимъ, отъ имени организаціоннаго Комитета съѣзда, просилъ Геологическій Комитетъ участвовать въ устраиваемой при съѣздѣ выставкѣ своими изданіями, главнѣйше новыми, еще печатающимися, какъ 60-ти-верстная геологическая карта Евр. Россіи, 100 верстная геологическая карта Сибири и проч.

Рис. 1. Фрагменты Журнала заседания Присутствия Геолкома 20.10.1909 [10, с. 1 и с. 155]

конгрессе (МГК) в Лондоне, во время геологической экскурсии в Уэльс. Вернадский вспоминал: «*Эта экскурсия фактически явилась для моей жизни решающей, так как здесь я познакомился с целым рядом русских и иностранных ученых, в частности, с профессором А. П. Павловым и его женой М. В. Павловой, с Ф. Н. Чернышевым, с которым впоследствии встретился в Академии, и другими*» [31, с. 64]. Дружеские отношения Вернадского с Чернышевым, который был на семь лет старше него, установились, по-видимому, после назначения Вернадского в 1906 г. заведующим Минералогическим отделением академического Геологического музея им. Петра Великого в Петербурге. Его директором по совместительству с Геолкомом был Ф. Н. Чернышев.

Поначалу Вернадский не слишком часто принимал участие в заседаниях Присутствия Геолкома. Будучи профессором Московского университета и живя в то время в Москве, он курсировал между двумя столицами. В 1911 г. вместе с большинством прогрессивно настроенных преподавателей он покинул Московский университет в знак протеста

против репрессивной политики министра просвещения Л. А. Кассо. Он переехал в Санкт-Петербург и поселился на углу 6-й линии Васильевского острова и набережной Невы, где его семье была предоставлена квартира в т. н. Доме академиков. Там уже жили академики А. П. Карпинский, почетный директор Геолкома, и действующий его директор Ф. Н. Чернышев. Тогда же по инициативе Чернышева было принято решение о строительстве нового здания для Геолкома, ранее размещавшегося в арендованном помещении на 4-й линии Васильевского острова, а летом 1912 г. произошла его закладка. Под влиянием этих событий Вернадский писал жене 30 мая 1912 г.: «*У меня явился новый план устройства Минералого-геологического музея, к которому, кажется, склоняю Чернышева: постройка его и Ломоносовского института рядом в одном месте — рядом с новым зданием Геологического комитета на Среднем (угол 19 линии). Во всех отношениях это было бы удобно! Кстати, говорят, что с осени трамвай пойдет по Среднему к Гавани или от 8-ой или от 16-ой линии. Тогда наша квартира окажется лучше и удобнее*» [8, с. 99]. У Владимира Ивановича

Рис. 2. В. И. Вернадский (слева) и Ф. Н. Чернышев на палубе парохода «Empress of Britain». Фрагмент групповой фотографии. Фото П. И. Степанова [29]

появилась возможность ездить в Геолком на трамвае; переселить же Геологический музей им. Петра Великого поближе к Геолкому Вернадскому не удалось.

Год 1913-й ознаменовался совместной поездкой на 12-й МГК в Канаду Ф. Н. Чернышева и П. И. Степанова (делегатов от Геолкома) и В. И. Вернадского как делегата от Академии наук. Павел Иванович Степанов (1880–1947), впоследствии академик, опубликовал описание этой поездки в «Известиях Геолкома» [29] с фотографией группы российских участников 12-го МГК на борту парохода «Empress of Britain» (рис. 2). К тому же году относится и малоизвестный портрет Вернадского, написанный Екатериной Сергеевной Зарудной-Кавос, близким другом его семьи (рис. 3).

Через несколько месяцев после возвращения с 12-го МГК 2 января 1914 г. Ф. Н. Чернышев скоропостижно скончался, директором Геолкома был назначен Карл Иванович Богданович. В некрологе «Памяти Чернышева» Вернадский писал: «В организаторской научной работе роль Чернышева в России была весьма велика. Новые штаты Геологического комитета и новый Музей прикладной геологии (первоначальное название музея Геолкома, ныне ЦНИГРМузей им. Ф. Н. Чернышева. — А. Л.), новое здание, им для этого созданное, новая организация учреждений Академии наук, новый план Геологического и Минералогического музея, организация геологического исследования Сибири, Севера России... Сколько здесь было его личности, его мысли, его воли!» [5, с. 192].

Еще в 1912 г. по инициативе В. И. Вернадского и под его руководством в Академии наук была организована Радиева экспедиция. В связи с этим в Журнале заседания Присутствия Геолкома 18 и 21 февраля 1914 г. появляется следующая запись:

«И. д. (исполняющий должность — А. Л.) директора доложил, что поступило со стороны заведующего работами Радиевой экспедиции Академии наук академика В. И. Вернадского заявление, в котором он обращается в Геологический комитет с предложением оказать означенной экспедиции содей-

Рис. 3. Портрет В. И. Вернадского. 1913 г. Худ. Е. С. Зарудная-Кавос. Холст, масло. Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом)

ствие в организации некоторых совместных работ в 1914 г. Так как районы, подлежащие исследованию Радиевой экспедицией в Ферганской и Забайкальской областях, должны войти в программу предполагаемых на 1914 г. работ Геологического комитета, то такие совместные работы могут быть организованы вполне целесообразно, отнюдь не нарушая основного плана работ Комитета, и при составлении проекта программы работ на 1914 г. необходимо иметь в виду пожелание академика Вернадского» [11, с. 75–76].

Это пожелание Геолкомом было выполнено, и летом 1914 г. в организованные Вернадским экспедиции, причем не только в Фергану и Забайкалье, но также в Прибайкалье и на Кавказ, вошли сотрудники Геолкома А. П. Герасимов, В. Н. Зверев, Е. В. Иванов, В. К. Котульский, А. К. Мейстер, Д. И. Мушкетов, а также студенты, будущие сотрудники Геолкома В. А. Зильберминц, В. Н. Лодочников и Д. В. Наливкин [25]. В опубликованном отчете о полевых работах Радиевой экспедиции 1914 г. Вернадский подробно охарактеризовал вклад каждого участника в эти исследования [6].

В 1915 г., вскоре после начала Первой мировой войны, группа академиков во главе с Вернадским выступила с проектом создания в системе Академии наук Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС). Этот проект был принят, и Вернадский возглавил КЕПС. Одной из задач этой комиссии было составление многотомника «Естественные производительные силы России», или, говоря иначе, кадастра её природных ресурсов, где важнейшими и поныне являются полезные ископаемые. До того времени изучение полезных ископаемых России и их учет были прерогативой Геолкома, а не Академии наук. В связи с этим, как следует из Журнала заседания Присутствия Геолкома 24.09.1915, Академия наук в лице Вернадского обратилась в Геолком с предложением выдвинуть из своего состава представителей в члены КЕПС. Присутствие Геолкома среагировало положительно и избрало в члены КЕПС 16 сотрудников Геолкома, занимающихся разными регионами, в частности, по Средней России — М. М. Пригоровского и А. Д. Архангельского, Кавказу — А. П. Герасимова и Д. В. Голубятникова, Туркестану — В. Н. Вебера и К. П. Калицкого, Енисейской области — Я. С. Эдельштейна, Амурской области — Э. Э. Анерта и т. д. [12].

Обсуждение вопроса о конкретном участии Геолкома в издании тома «Полезные ископаемые» продолжилось на следующих заседаниях Присутствия. По воспоминаниям П. И. Степанова, «академики сначала предполагали, что геологи Комитета будут участвовать в составлении многочисленных обзоров как частные лица *. Это, конечно, обезличило бы Комитет, так как в основном авторами геологических работ были именно геологи Комитета. Помню ряд довольно бурных заседаний и «боев» между К. И. Богдановичем с одной стороны и В. И. Вернадским и А. Е. Ферсманом с другой. В конце концов был найден удовлетворяющий всех выход. Геологический комитет принял участие в этой работе как равноправное учреждение. Ему было поручено составление четвертого тома, посвященного полезным ископаемым» [30, с. 105–106]. Это соглашение было достигнуто на заседании При-

сутствия 12.01.1916 и сформулировано следующим образом: «Необходимые для издания средства будут переданы КЕПС в распоряжение Геологического комитета. На соответственном томе издания будет обозначено, что таковой составлен Геологическим комитетом и издан под его редакцией» [13, с. 10]. На этом же заседании было утверждено и содержание четвертого тома.

Перейдем к событиям, происходившим в Геолкоме в переломный в истории России 1917 год. На заседании Присутствия Геолкома 14 апреля 1917 г. было объявлено: «Указом Временного правительства от 12 сего апреля директор Геологического комитета К. И. Богданович назначен членом Горного Ученого комитета с увольнением его, согласно прошению, от должности директора Геологического комитета» [14, с. 225]. На том же заседании приступили к подбору кандидатов на освободившуюся должность. Это были первые выборы за 35 лет существования Геолкома: до Февральской революции директора не выбирали, а назначали (порядок назначения директора Геолкома был восстановлен в 1926 г. Ф. Э. Дзержинским, председателем Высшего совета народного хозяйства — ВСНХ, которому тогда была подчинен Геолком). Было предложено восемь кандидатов, в число которых вошел и Вернадский. Некоторые, включая Вернадского, сняли свои кандидатуры, и после нескольких туров голосования новым директором Геолкома был выбран Валериан Николаевич Вебер.

Вернемся, однако, к истории издания тома «Полезные ископаемые» серии «Естественные производительные силы России». После смены власти в стране в октябре 1917 г. Геолком оказался в бедственном финансовом положении. Это подтверждает тот факт, что том 36 «Известий Геолкома» за 1917 г. [14], набранный еще по старой орфографии, вышел в свет уже в Ленинграде девять лет спустя (!). В 1926 г. КЕПС финансировалась значительно лучше: новые власти по достоинству оценили необходимость её работы. В «Наброске плана научно-технических работ», датированном апрелем 1918 г., председатель Совнаркома В. И. Ленин с пометкой «*nota bene*» пишет о серии «Естественные производительные силы»: «Надо ускорить издание этих материалов изо всех сил, послать об этом бумажку и в Комиссариат народного просвещения, и в Союз типографских рабочих, и в Комиссариат труда» [23, с. 228].

После такой резолюции вождя публикация материалов КЕПС пошла ударными темпами. Издание 4-го тома «Естественных производительных сил России» («Полезные ископаемые») было осуществлено более чем в 40 выпусках в 1917–1925 гг., причем отдельные выпуски достигали нескольких сотен страниц, например, вып. 20 «Ископаемые угли» [9] — 343 с. (рис. 4), а вып. 11 «Платина» — 692 с. Том «Полезные ископаемые» для своего времени (да и не только для своего) оказался изданием уникальным: это была первая в истории России энциклопедическая сводка её полезных ископаемых. Недаром 60 лет спустя А. П. Марковский писал: «Подготовленный специалистами Геологического комитета (В. Н. Вебером, К. И. Богдановичем, Д. В. Голубятниковым, Н. К. Высоцким, В. К. Котульским и др.), этот том является настоящей энциклопедией минерально-сырьевых ресурсов страны» [24, с. 38].

Безусловно, сотрудники Геолкома только сыграли от того, что издание составленного ими

* По-видимому, исходя из этого предположения и были проведены выборы.

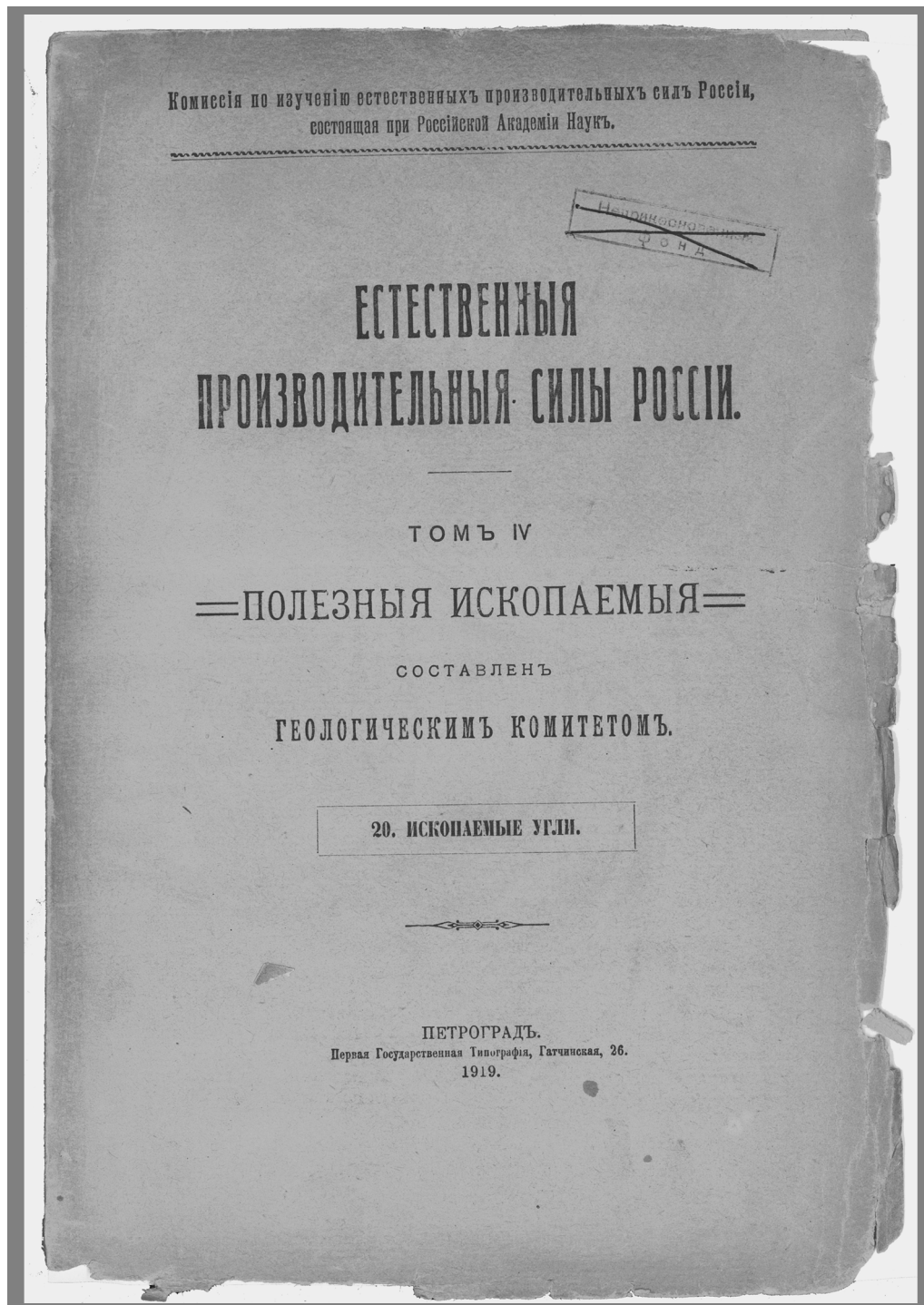

Рис. 4. Обложка выпуска 20 «Ископаемые угли», тома 4, серии «Естественные производительные силы России» [9]

тома осуществлялось щедро финансируемой властями КЕПС, а не самим Геолкомом. По существу это было вынужденное обстоятельством деловое сотрудничество двух организаций по классической схеме Остапа Бендера: «Бензин наш, идеи ваши»: «бензин» (финансирование) обеспечивала КЕПС, а «идеи» (сведения о минеральных ресурсах страны) — Геолком.

Опасаясь ареста, Вернадский 19 ноября 1917 г. срочно покинул Петроград и переселился сначала на Украину, а затем в Крым. Связи Вернадского с Геолкомом практически прервались и возобнови-

лись лишь в апреле 1921 г. после его возвращения в Петроград. Здесь он снова активно участвует в заседаниях Присутствия Геолкома. На первом же после своего возвращения в Петроград заседании Вернадский, как говорится, «схватил быка за рога». В Журнале Присутствия от 13.12.1921 [15, с. 167] зафиксировано его выступление: «Академик В. И. Вернадский вошел с предложением принять все зависящие от Геологического комитета меры к облегчению участи сосланных в Архангельск геолога Н. Ф. Погребова и адъюнкта-геолога П. И. Бутова. Постановлено возбудить ходатайство перед властями об облегчении

участи Н. Ф. Погребова и П. И. Бутова и о возможном возвращении их в Петроград к текущей научной работе. Для сношений с властями избрана делегация в составе В. Н. Вебера и Я. С. Эдельштейна и одного из представителей дирекции».

Н. Ф. Погребов и П. И. Бутов были арестованы по т. н. «Таганцевскому делу» летом 1921 г. Энергичные меры, принятые Геолкомом для их спасения после выступления Вернадского (который сам недавно вышел из-под ареста), на сей раз увенчались успехом: в начале 1922 г. арестованные были освобождены и вернулись в Петроград, однако в 1934 г. Бутов был вторично арестован и в 1937 г. расстрелян [27].

Пребывание Вернадского в Петрограде в этот раз оказалось недолгим: в июле 1922 г. он уехал в командировку во Францию, и его связи с Геолкомом снова прервались на долгие четыре года. Возвратился Вернадский в Петроград, ставший Ленинградом, в марте 1926 г. В том же году был принят новый устав Геолкома, по которому Присутствие было преобразовано в Научный совет. Вернадский был включен в него, наряду с академиками Н. С. Курнаковым и А. Е. Ферсманом, как представитель от АН СССР, однако, судя по протоколам заседаний, присутствовал на них нечасто.

Одной из причин была его крайняя занятость: руководство Радиевым институтом и КЕПС, а также организация в её системе новых учреждений. Об этом говорит оригинал письма В. И. Вернадского на бланке КЕПС от 3.01.1927 сотруднику Геолкома, выдающемуся геологу-четвертичнику С. А. Яковлеву (1878–1957), обнаруженный мною при разборе его архива и ныне хранящийся в Архиве творческого наследия и истории Геолкома – ВСЕГЕИ (публикуется впервые):

«Многоуважаемый Сергей Александрович! Прошу Вас пожаловать на совещание по вопросу о создании Института по изучению четвертичных отложений в пределах СССР, имеющее быть 14 сего января в 2 ч. дня в Малом конференц-зале Академии наук (Университетская наб., дом № 5). Вместе с тем, согласно решению, состоявшемуся при Вашем участии 28 декабря 1926 г. на предварительном совещании, обращаю к Вам с просьбой не отказать сделать 14 января краткое сообщение (от 10–15 минут) об очередных задачах исследования четвертичных отложений в северной части СССР. Примите уверения в совершенном уважении и преданности. Вернадский».

Этот документ лишней раз подтверждает энциклопедизм интересов Вернадского, а также его неослабевающий интерес к тому, «кто есть кто» в Геолкоме, и неизменное желание привлечь его сотрудников к реализации своих замыслов. Доклад С. А. Яковлев скорее всего сделал, а вместо задуманного Вернадским института в том же году была организована Комиссия по изучению четвертичного периода. Яковлев был выбран её ученым секретарем.

Однако чрезмерная занятость Вернадского была не единственной причиной его редкого присутствия на заседаниях Научного совета Геолкома. Тучи над Геолкомом постепенно сгущались. В своем дневнике от 16 декабря 1929 г. Вернадский записывает: *«Васильевский о Геологическом комитете. Хаос и бедлам. Во главе невежественные и грубые рабочие. Директор по-матерному ругается на геологов. Васильевский весь завален экспертизой по плотинам, не*

Иосиф Евсеевич Стáрик

имеет возможности работать. Полный развал научной работы Комитета?» [7, с. 139].

Поясню: Михаил Максимович Васильевский (1880–1948) – сотрудник Геолкома, геолог широкого профиля, гидрогеолог, один из первооткрывателей Тихвинского месторождения бокситов; Иван Иванович Радченко – последний директор Геолкома, профессиональный партийный деятель с дореволюционным стажем, заместитель председателя ВСНХ.

В конце 1929 г. по приказу Президиума ВСНХ Геолком прекратил свое существование как единая организация и были сформированы отдельные геологоразведочные институты, по своему профилю соответствующие прежним отделам Геолкома. Прекратил свое существование и его Научный совет. С этих пор Вернадский *формально* не имел отношения к правопреемникам Геолкома, в 1931 г. снова объединенным в один Центральный научно-исследовательский геологоразведочный институт (ЦНИГРИ). *Формально* не имел, но сотрудничество Вернадского с ЦНИГРИ постепенно налажилось, правда, не без труда.

В марте 1932 г. Вернадский на заседании Отделения математических и естественных наук (ОМЕН) АН СССР выступил с докладом «Радиоактивность и новые проблемы геологии» [6]. Среди важнейших проблем геологии он впервые назвал разработку методов радиоактивного определения геологического возраста геологических образований. Работы по этой проблеме проводились как в Радиевом институте, руководимом В. И. Вернадским, так и в ЦНИГРИ, в Лаборатории радиохимии, организованной Иосифом Евсеевичем Стáриком (1902–1964), впоследствии чл.-корр. АН СССР и заместителем директора Радиевского института.

Весной 1932 г. в порядке подготовки к 17-му МКВ в Москве в 1937 г. при Радиевом институте под председательством Вернадского была организована Комиссия по определению геологического возраста пород. Вернадский предпринял попытку наладить сотрудничество Радиевского института с ЦНИГРИ.

Однако, как вспоминал Вернадский, «в 1932 г. заведовавший тогда научной работой бывшего Геолкома профессор М. М. Тетяев заявил в публичном заседании Комитета, что Радиохимическая лаборатория со следующего года подлежит сокращению как ненужная» [3, с. 337].

Конечно, сейчас, восемьдесят лет спустя, такое заявление Тетяева, выдающегося геолога, которым по праву гордится наш институт, может показаться непонятным. Но нельзя забывать, что мы живем в другое время и в другой стране. Вернадский проясняет ситуацию тех лет следующим образом: «В 1934 г. малообразованные философы, ставшие во главе планировки научной работы бывшего Геологического комитета, ошибочно пытались доказать путем диалектического материализма, что определение геологического возраста радиоактивным путем основано на ошибочных положениях — диалектически не доказанных... Они задержали мою работу на года два, т. к. Радиевый институт, во главе которого я стоял, ни-

как не мог связаться с работой геологов Комитета и поставить исследования на прочную почву» [4, с. 250].

Внедренные в ЦНИГРИ «малообразованные философы», о которых пишет Вернадский, в сентябре 1931 г. объединились в институте в Сектор диалектики геологоразведочных наук (СЕДИГЕРАН), впоследствии переименованный в Кабинет, который числился в структуре института под № 13 (рис. 5). В 1932 г. седигерановцы в пожарном порядке слепили из цитат Маркса, Энгельса и Ленина сборник «За марксистско-ленинскую перестройку геологоразведочных наук» [16] (рис. 6), в котором с позиций диалектического материализма клеймили ведущих сотрудников института, главным образом Д. И. Мушкетова и А. Н. Заварицкого. М. М. Тетяев как заместитель директора ЦНИГРИ по науке позицию седигерановцев вынужден был поддерживать.

В феврале 1934 г. боевая тройка седигерановцев (В. М. Букановский, Д. И. Выдрин и И. Ф. Куразов) за недооценку роли Сталина в развитии диа-

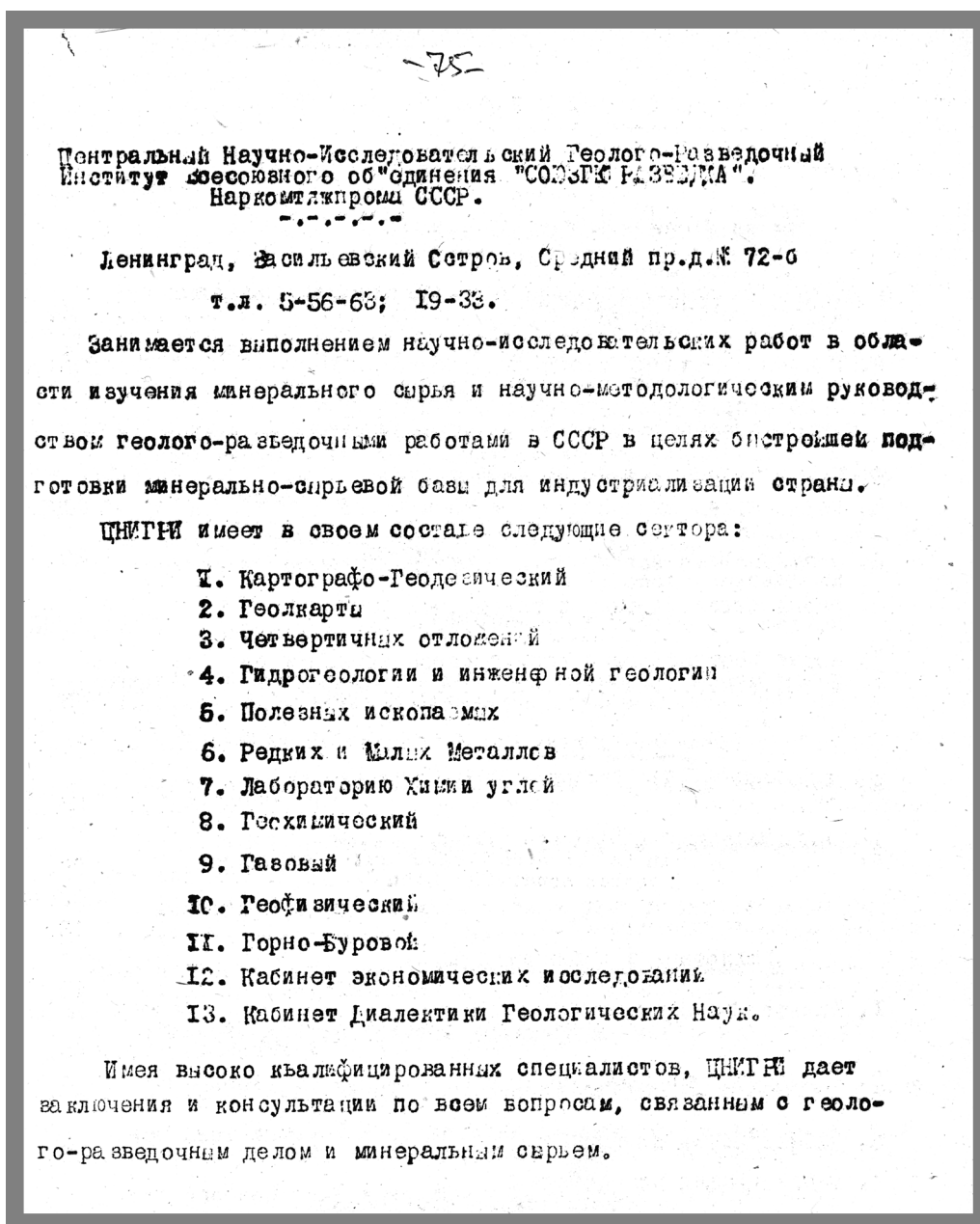

Рис. 5. Задачи и структура ЦНИГРИ в 1933 г. [17, с. 75]

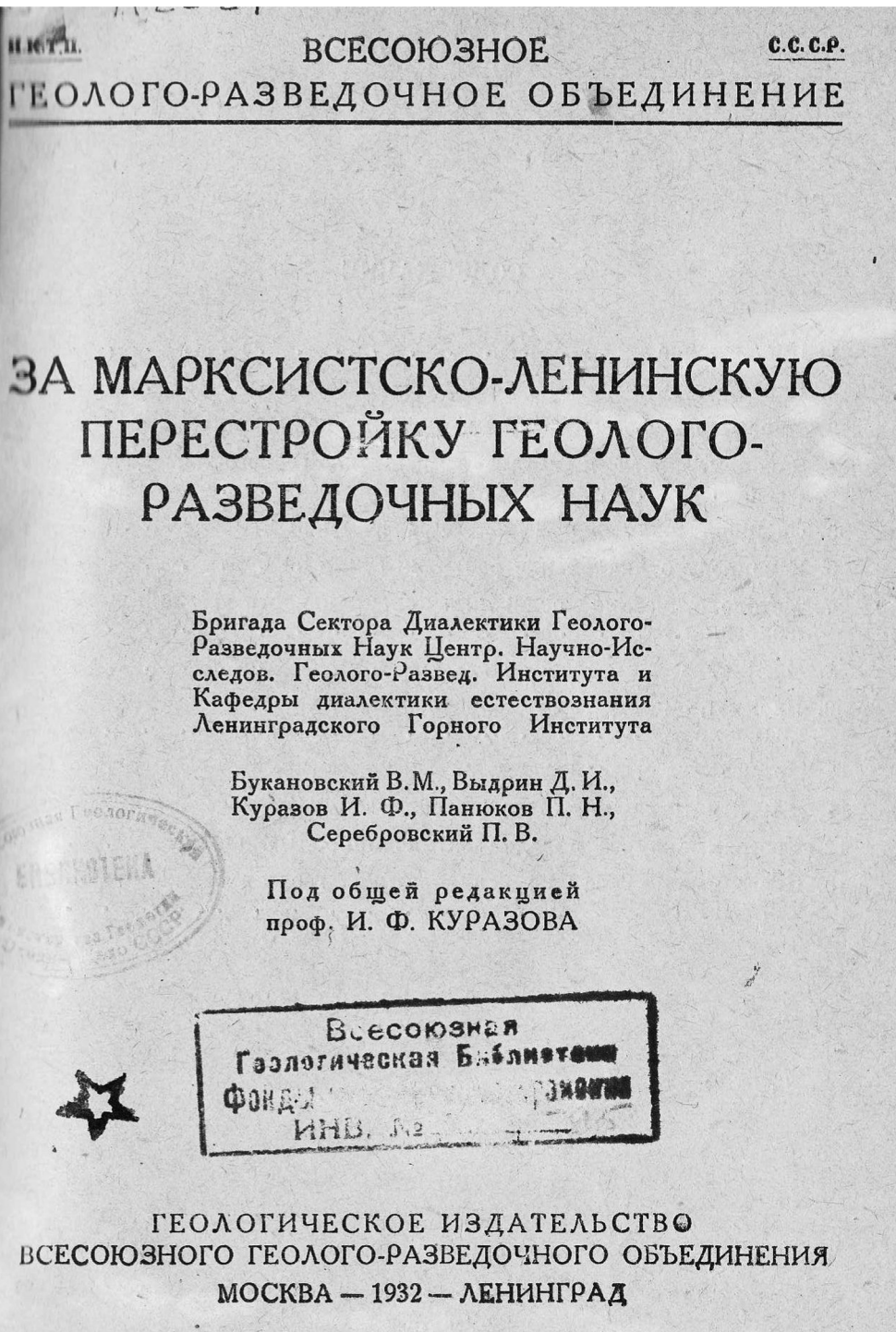

Рис. 6. Обложка сборника «За марксистско-ленинскую перестройку геологоразведочных наук» [16]

лектического материализма была репрессирована [27]: номер 13 для них и впрямь оказался несчастлив. Вскоре, однако, они были освобождены и стали преподавать диамат в провинциальных вузах. Удаление седигерановцев из института спасло Радиохимическую лабораторию ЦНИГРИ, которая сохранилась в структуре института вопреки прежнему намерению Тетяева ее ликвидировать. После этого между Радиевым институтом и ЦНИГРИ стали налаживаться нормальные деловые контакты для совместного решения задачи, поставленной Вернадским два года назад.

Сохранился протокол заседания Ученого совета Радиевского института под председательством Вернадского от 20.11.1934, в котором приняли участие сотрудники ЦНИГРИ. На этом заседании Вернадский сформулировал конкретные задачи совместной работы: «Первый вопрос — о нахождении наиболее древних минералов. Второй — установление абсолютной шкалы геологического возраста. Необходимо наметить районы, где можно было бы найти наиболее древние породы» [6, с. 283]. Обсуждение этих вопросов было конструктивным. Утром следующего дня Вернадский записывает в своем дневнике: «Вчера

в 3 часа заседание в Радиевом институте. Удачное заседание. Были немногие из геологов, но нужные: Герасимов, Тетяев, Мушкетов, Полканов. Мне кажется, я удачно изложил. Тетяев понял свою ошибку и принял участие в обсуждении» [7, с. 347]. Творческое сотрудничество между Радиевым институтом и ЦНИГРИ окончательно наладилось.

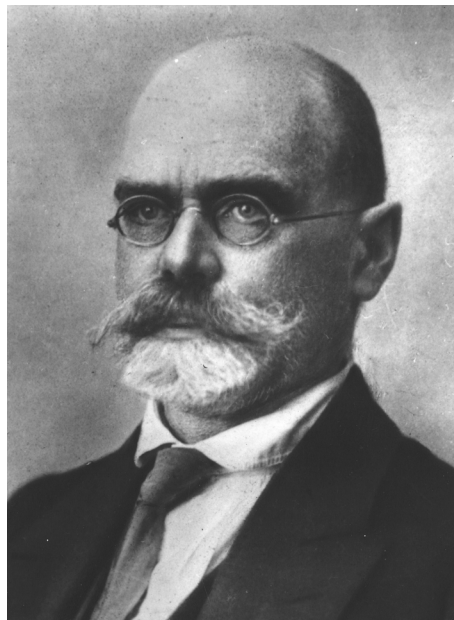
Месяц спустя, в декабре 1934 г., в докладе на заседании АН СССР Вернадский заявил: «*Определение древнейших участков суши есть одна из первых задач, стоящих на разрешении перед радиогеологией... Эту задачу ставит Государственный Радиевый институт (совместно с Радиологической лабораторией ЦНИГРИ) перед Организационным комитетом по созыву Международного геологического конгресса (в Москве в 1937 г.). Оба учреждения уже два года готовятся к этому и проделали большую работу в выработке, улучшении методики и установке аппаратуры*» [6, с. 198].

Пятилетняя совместная работа Радиевского института во главе с Вернадским и Радиохимической лаборатории ЦНИГРИ во главе со Стариком завершилась успехом: на 17-м МГК в Москве В. И. Вернадский выступил с пленарным докладом «О значении радиогеологии для современной геологии» [6], а И. Е. Стáрик с докладом «Возраст Земли по радиоактивным данным» на заседании секции «Геофизические методы в геологии» [28].

Вернемся, однако, на несколько лет назад. В 1934 г. Правительство приняло решение о переводе центрального аппарата АН СССР и большинства её учреждений из Ленинграда в Москву. Вернадский, возглавлявший академическую Биогеохимическую лабораторию (БИОГЕЛ), переехал в столицу в 1935 г. После этого деловые контакты Вернадского с ЦНИГРИ ослабевают. Сохраняется, однако, его личное общение с наезжавшими в Москву сотрудниками ЦНИГРИ, в частности с В. В. Белоусовым [22].

В 1936 г. АН СССР выпустила роскошно изданный двухтомник «Академику В. И. Вернадскому к пятидесятилетию научной и педагогической деятельности» [1] со следующим посвящением: «*Глубокоуважаемому и дорогому Владимиру Ивановичу Вернадскому друзья, ученики и сотрудники*». Среди многочисленных авторов этого сборника десять ученых Геолкома–ЦНИГРИ. Это А. П. Герасимов (1869–1942), И. И. Гинзбург (1882–1965), А. К. Болдырев (1883–1946), А. Н. Заварицкий (1884–1952), В. А. Зильберминц (1887–1939), А. А. Полканов (1888–1963), Д. В. Наливкин (1889–1982), А. Г. Бетехтин (1897–1962), И. Е. Стáрик (1902–1964) и В. В. Белоусов (1907–1990). Интересно отметить, что это люди разных возрастов: самый старший из них, Герасимов, был только на шесть лет младше Вернадского, а самый младший, Белоусов, годился ему во внуки. Иными словами, представители **трех поколений** сотрудников ЦНИГРИ 30-х годов, геологи разных специальностей и интересов считали себя «друзьями, учениками или соратниками» Владимира Ивановича Вернадского.

11 декабря 1939 г. уже не в ЦНИГРИ, а во ВСЕГЕИ отмечался юбилей Валериана Николаевича Вебера. В. И. Вернадский, узнав об этом юбилее, на следующий день посылает ему из Москвы следующее поздравление: «*Дорогой Валериан Николаевич! Больше 50 лет наша жизнь связана с Вашей. Александра Васильевна, родственные связи моей жены и научные связи от времени до времени постоянно поддерживали*

Валериан Николаевич Вебер

наши дружеские отношения, которые никогда не прерывались диссонансом. От души мы оба желаем Вам возможно дольше идти по тому же пути с тем же благородством, как Вы и шли. Горячо Вас обнимаю. Сердечно Ваш В. Вернадский» [24]. Александра Васильевна Гольштейн, о которой идет речь в письме – это мать Вебера (по второму браку Баулер), видный общественный деятель, литератор и близкий Вернадскому человек. Вернадский и Баулеры дружили семьями с 1880-х годов, когда Валериан Вебер был еще подростком [18, 20].

Письмо Вернадского Веберу, который умер через несколько месяцев после своего юбилея, по существу оказалось прощальным не только по отношению к нему – это было прощание Вернадского со всеми коллегами и товарищами из ВСЕГЕИ. В июле 1941 г. Вернадский вместе с другими пожилыми академиками был эвакуирован из Москвы на курорт Боровое в Казахстане, и его личные связи со ВСЕГЕИ окончательно оборвались.

Юбилейные даты В. И. Вернадского после его кончины в 1945 г. неоднократно отмечались во ВСЕГЕИ. Так, в 1983 г. к 120-летию со дня его рождения институт организовал в Ольгино Всесоюзный семинар «Биогеохимические аспекты формирования осадочных пород и руд» [2], одно из заседаний которого было мемориальным. Своими воспоминаниями о Вернадском поделились уже многочисленные живые коллеги из Ленинграда и Москвы, общавшиеся с ним лично. Одним из них был бывший геолкомовец Нестор Иванович Толстихин [32]. А в день 150-летия со дня рождения Вернадского 12 марта 2013 г. в институте было проведено торжественное заседание Ученого совета, где прозвучал доклад О. В. Петрова, Ю. Ю. Юрченко и Г. М. Беляева [26] о развитии идей Вернадского в работах сотрудников ЦНИГРИ – ВСЕГЕИ, начиная с 1936 г. до наших дней.

Вернадский по складу своего ума был универсальным гением, соизмеримым с Ломоносовым [19]. Афоризм Козьмы Пруткова «нельзя объять необъятное» полностью опровергается достижениями великого ученого. Не будучи физиком, он

основал Радиевый институт, не будучи биологом, создал основополагающую концепцию биосферы и ноосферы. Другая особенность личности Вернадского заключалась в том, что он был **генератором идей**, причем идей столь масштабных, что для их разработки требовались усилия разного рода научных учреждений: институтов, лабораторий, комиссий, комитетов и т. п. Если же научных учреждений нужного Вернадскому профиля в стране не оказывалось, он их организовывал. Так появились Радиевый институт, ныне носящий имя В. Г. Хлопина; Биогеохимическая лаборатория, переросшая в Институт аналитической химии и геохимии имени В. И. Вернадского РАН; КЕПС, впоследствии преобразованная в Совет по изучению производительных сил при АН СССР; Комиссия по истории науки, философии и техники, правопреемником которой является Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН; Комитет по метеоритам и т. д. Более того, в 1918 г. на независимой тогда Украине Вернадский организовал Академию наук, вторую на территории б. Российской империи после основанной Петром Великим в 1725 г. в Санкт-Петербурге, и был избран её первым президентом. Впоследствии в Советском Союзе эта академия стала прообразом всех республиканских академий страны.

Что касается геологии и изучения полезных ископаемых России, то создавать институт или комитет такого профиля Вернадскому не было необходимости: в Санкт-Петербурге с 1882 г. уже существовал созданный для этих целей Геологический комитет. Общность научных интересов сближала Вернадского с геологами Геолкома—ЦНИГРИ. Притяжение Вернадского с одной стороны и сотрудников Геолкома—ЦНИГРИ с другой было взаимным. Молодые (и не только) сотрудники нашего института тянулись к Вернадскому и учились у него. Если же порой и возникали шероховатости в отношениях Вернадского с сотрудниками Геолкома — ЦНИГРИ (как, например, в 1910-е годы с К. И. Богдановичем, а в 30-е с М. М. Тетяевым), то Вернадский успешно их сглаживал. Творческое сотрудничество Вернадского с Геолкомом—ЦНИГРИ, особенно интенсивное в период с 1911 по 1935 год, оказалось плодотворным не только для обеих сторон, но и для всей отечественной геологии.

1. Академику В. И. Вернадскому к пятидесятилетию научной и педагогической деятельности. — М.: Изд-во АН СССР, 1936. Т. 1—2. — 1272 с.

2. Биогеохимические аспекты формирования осадочных пород и руд // Тезисы Всесоюзного семинара, посвященного 120-летию со дня рождения В. И. Вернадского / А.В. Лапо (отв. ред.). — Л.: ВСЕГЕИ, 1983. — 126 с.

3. *Вернадский В.И.* Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. — М.: Наука, 1965. — 374 с.

4. *Вернадский В.И.* Научная мысль как планетное явление. — М.: Наука, 1991. — 271 с.

5. *Вернадский В.И.* Статьи об ученых и их творчестве. — М.: Наука, 1997а. — 364 с.

6. *Вернадский В.И.* Труды по радиогеологии. — М.: Наука, 1997б. — 319 с.

7. *Вернадский В.И.* Дневники. 1926—1934. — М.: Наука, 2001. — 456 с.

8. *Вернадский В.И.* Письма Н. Е. Вернадской. 1909—1940. — М.: Наука, 2007. — 300 с.

9. Естественные производительные силы России. Т. 4: Полезные ископаемые. Составлен Геологическим комитетом. Вып. 20. Ископаемые угли. — Пг: КЕПС, 1919. — 343 с.

10. Журнал Присутствия Геологического комитета. Заседание 20.10.1909 // Известия Геологического комитета. 1909. Т. 28. № 7. — С. 1—155.

11. Журнал Присутствия Геологического комитета. Заседания 18 и 21.02.1914 // Известия Геологического комитета. 1914. Т. 33. № 5. — С. 75—89.

12. Журнал Присутствия Геологического комитета. Заседание 24.09.1915 // Известия Геологического комитета. 1915. Т. 34. — С. 265—328.

13. Журнал Присутствия Геологического комитета. Заседание 12.01.1916 // Известия Геологического комитета. 1916. Т. 35. № 2. — С. 1—11.

14. Журнал Присутствия Геологического комитета. Заседание 14.04.1917 // Известия Геологического комитета. 1917 (1926). Т. 36. — С. 225—226.

15. Журнал Присутствия Геологического комитета. Заседание 13.12.1921 // Известия Геологического комитета. 1921. Т. 40. № 8-10. — С. 167—171.

16. За марксистско-ленинскую перестройку геологоразведочных наук / Ред. И.Ф. Куразов. — М.—Л.: Геологическое изд-во ВГРО, 1932. — 220 с.

17. Информационно-технический бюллетень ЦНИГРИ. 1933. № 1—2. — 75 с.

18. История полувековой дружбы / Публикация А. Сергеева и А. Тюрина // Минувшее. Исторический альманах. — М.: Atheneum; СПб.: Феникс. 1995. № 18. — С. 353—426.

19. *Лапо А.В.* М. В. Ломоносов и В. И. Вернадский (некоторые исторические параллели) // Зап. ВМО. 1986. Ч. 115. Вып. 2. — С. 521—524.

20. *Лапо А.В.* [Письмо в редакцию] // Минувшее. Исторический альманах. М.—СПб.: Atheneum—Феникс, 1996. — С. 498—499.

21. *Лапо А.В.* В. И. Вернадский: «Я родился в Петербурге на Миллионной улице» // Ноосфера. 2003. № 16. — С. 4—7.

22. *Лапо А.В.* В. В. Белоусов и В. И. Вернадский // Регион. геология и металлогения. 2008. № 34. — С. 135—136.

23. *Ленин В.И.* набросок плана научно-технических работ // Полное собрание сочинений. Изд. пятое. — М.: Госполитиздат. 1962. Т. 36. — С. 228—231.

24. *Марковский А.П., Чернышева Н.Е.* Валериан Николаевич Вебер // Выдающиеся ученые Геологического комитета — ВСЕГЕИ. — Л.: Наука, 1984. — С. 32—53.

25. *Наливкин Д.В.* Подготовка экспедиций в Среднюю Азию // Очерки по истории геологических знаний. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. Вып. 11. — С. 30—33.

26. *Петров О.В., Юрченко Ю.Ю., Беляев Г.М.* В. И. Вернадский — геолог-энциклопедист // Регион. геология и металлогения. 2013. № 54. — С. 109—117.

27. Репрессированные геологи / Гл. ред. В.П. Орлов. — М.—СПб.: Изд-во ВСЕГЕИ, 1999. — 452 с.

28. *Стáрик И.Е.* Возраст Земли по радиоактивным данным // МГК. Труды XVII сессии (1937). — М.: ГОНТИ, 1940. Т. 4. — С. 499—506.

29. *Степанов П.И.* Поездка в Канаду на XII Международном геологическом конгрессе // Известия Геологического комитета. 1914. Т. 33. № 8. — С. 805—847, табл. XXVIII—XXXIV.

30. *Степанов П.И.* Воспоминания геолога // Памяти академика П.И. Степанова. — М.: Изд-во АН СССР, 1952. — С. 9—118.

31. Страницы автобиографии В. И. Вернадского / Сост. Н. В. Филиппова. — М.: Наука, 1981. — 350 с.

32. *Толстихин Н.И.* Из истории изучения природных вод (о встречах с В. И. Вернадским) // Бюлл. Комиссии по разработке научного наследия академика В. И. Вернадского. 1988. № 4. — С. 11—17.

К 85-ЛЕТИЮ ОЛЕГА НИКОЛАЕВИЧА КАБАКОВА (1928–2009)

О. Н. Кабаков – выдающийся специалист в области геологии месторождений редких металлов Дальнего Востока России, Вьетнама и Афганистана, талантливый практик, первооткрыватель месторождений. Родился 11 сентября 1928 г. в Ленинграде. Во время войны он с семьей был эвакуирован в Новосибирск. В возрасте 15 лет, не окончив школы, начал работать на авиационном заводе. В 1948 г. Кабаковы вернулись из эвакуации, в течение года Олег осваивал профессию слесаря. Но влекло его к другим занятиям. Он поступает на курсы коллекторов при ВСЕГЕИ и после них в находившуюся в Ленинграде Дальневосточную экспедицию Всесоюзного аэрогеологического треста (ВАГТ).

Весной 1951 г. юношу направили на курсы повышения квалификации геологов при ЛГУ. Этими курсами формально завершилось его образование в области геологии. Он предпочитал до всего доходить своим умом и не стремился к получению официальных дипломов. В 1953 г. Дальневосточная экспедиция стала структурным подразделением отдела Восточных районов ВСЕГЕИ. Летом того же года Олег провел свои первые самостоятельные полевые работы по поискам коренных рудопроявлений олова и вольфрама на Сихотэ-Алине и написал отчет, который был принят с отличной оценкой.

Судьбоносным для Кабакова стал 1955 год, когда по рекомендации Л. И. Красного он был назначен начальником тематического отряда по изучению рудоносности гранитных массивов хребта Мяочан в Приамурье. Отряд в составе Кабакова и одного рабочего отправился в маршрут лишь в середине июля; к концу полевого сезона обнаружил несколько рудопроявлений олова, однако продукты уже кончались, и Олег уже подумывал о возвращении домой.

11 сентября 1955 г., точно в день своего 27-летия, на лесной полянке, хоженной-перехоженной геологами, он обнаружил коренной выход мощной оловорудной зоны. Позже вспоминал: «В самый напряженный момент ручка молотка ломается... Я стал голыми руками обдирать дерн с обнажения. Погода улучшилась, выглянуло яркое солнце, все вокруг заискрилось каплями недавних дождей, и настроение стало радостным». Название новооткрытого месторождения родилось сразу – Солнечное. Руд-

ную зону прослеживали канавами, по колено в снегу, в конце октября и в ноябре. Перспективность объекта полностью подтвердилась.

В июне следующего года на заседании секции Ученого совета ВСЕГЕИ прошла защита отчета О. Н. Кабакова «Минерализация и рудопроявления Мяочанского рудного узла». В Постановлении Ученого совета было записано: «Отчет принять. Большой заслугой автора является выявление **нового оловорудного района** на левобережье р. Амур».

В июле 1956 г., когда Олег Николаевич снова оказался на месторождении Солнечное, местность, по его описанию, «неузнаваемо изменилась: там, где всего шесть месяцев назад стояла нетронутая тайга, прокла-

дывали дороги, стояли десятки деревянных домиков, работало множество людей, ревели бульдозеры и бурильные установки, проходили первую штольню». За открытие нового крупного оловорудного района в 1963 г. он был награжден Орденом Ленина, а в 1964 г., вместе с В. Я. Ярмолюком, Л. И. Красным и другими удостоен Ленинской премии.

В отделе Восточных районов О. Н. Кабаков проработал четыре года: в 1957 г. Дальневосточную экспедицию ВСЕГЕИ передали в ДВТГУ. Для Кабакова районы полевых работ остались прежними, он как и раньше занимался поисковыми работами. Затем его назначили начальником группы поисковых партий, разбросанных на большой территории.

Геолог М. Н. Афанасов вспоминает, как в одном из маршрутов на старой дороге Олег Николаевич вдруг остановился, задумался, разрыл в выветрелом галечнике небольшую ямку и промыл в луже пару мисок материала: «После этого он велел нам пройти шурф в валунниках, и на глубине 3–4 м мы встретили золотоносные пески». Это была одна из первых находок золота в Олдойской неогеновой впадине, сейчас она рассматривается как перспективная для поисков золото-ртутных месторождений типа Карлин.

Ещё в школьные годы Олег начал собирать жуков. Это увлечение вскоре превратилось в серьёзное коллекционирование и глубокий интерес к энтомологии.

В 1961 г. О. Н. Кабаков был приглашен начальником поискового отряда 20-й геологосъемочной

партии во Вьетнаме, руководимой сотрудниками ВСЕГЕИ А. Е. Довжиковым, А. И. Жамойдой и др. Была составлена первая геологическая карта Северного Вьетнама масштаба 1 : 500 000 и проведены поисковые работы. Он вел шлиховое и спектрометаллометрическое опробование, составлял карты, занимался обучением вьетнамских студентов и техников-геологов. За два с половиной года работы во Вьетнаме им были составлены первые в истории этой страны шлиховая карта масштаба 1 : 500 000, прогнозная карта на олово, ртуть и золото и написан объемистый отчет по результатам поисковых работ на эти элементы. Под его руководством и при активном участии были выявлены новые месторождения и рудопроявления ртуть, золота, бериллия, молибдена и других металлов.

Во Вьетнаме Олегом Николаевичем была собрана богатейшая коллекция тропических жуков, пополнившая сборы уникальных фаун Дальнего Востока.

Вскоре после возвращения на родину Олег Николаевич был зачислен во ВСЕГЕИ старшим инженером в отдел металлогенических карт, где занимался главным образом методикой составления крупномасштабных металлогенических карт и руководил работами по оценке новых оловоносных площадей в Бурятии.

Октябрь 1969 г. — четырехлетняя командировка в Афганистан в качестве руководителя поисково-оценочной партии. Там Олег Николаевич на сорока ореолах рассеяния касситерита выявил более пятнадцати рудопроявлений олова, написал отчет и составил прогнозную карту Афганистана на олово масштаба 1 : 1 000 000. Им было выявлено семь новых районов с месторождениями и проявлениями оловорудной минерализации, часто с сопутствующими проявлениями свинца, меди, цинка, вольфрамиты и других элементов. В Западном Афганистане он передал в разведку два месторождения олова, на одном из них были подсчитаны промышленные запасы. В труднодоступном Северо-Восточном Афганистане он совместно с Л. Н. Россовским оконтурил грандиозный пегматитовый пояс.

После возвращения из Афганистана О. Н. Кабаков занимался во ВСЕГЕИ металлогенией и прогнозной оценкой разнотипных зон тектоно-магматической активизации Дальнего Востока, составлением карт полезных ископаемых. В конце 70-х и в 80-е годы выполнял также обязанности куратора Мингео СССР по Дальнему Востоку и Приморью.

В октябре 1984 г. и январе-марте 1986 г. О.Н.Кабаков работал в группе советских геологов в Лаосе с целью методической помощи местным геологам-съемщикам и поисковикам.

Работая на Дальнем Востоке и в разных странах, он продолжал изучать и коллекционировать жуков, сделал множество важных энтомологических открытий. Начиная с 1977 г., в «Энтомологическом обозрении», «Вестнике зоологии», «Трудах Зоологического института АН СССР», в научных сборниках им опубликовано около четырех десятков статей (в том числе десять на английском языке) по систематике жуков Дальнего Востока, а также Средней Азии, Ирана и всей Юго-Восточной Азии. В 2006 г. вышла его монография «Пластинчатоусые жуки подсемейства Scarabaeinae фауны России и сопредельных стран». Последние 20 лет своей жизни О. Н. Кабаков посвятил исключительно энтомологии — научной обработке своей коллекции, собранной им более чем за сорок лет и насчитывающей сотни тысяч жуков.

Олег Николаевич Кабаков был многосторонне талантливым человеком, натуралистом в широком смысле этого слова. «Я один из тех людей, которые чувствуют себя самими собой только среди дикой природы, как можно менее затронутой цивилизацией» — написал он в своей замечательной автобиографической книге «С молотком и сачком», изданной в 2008 г. его родным ВСЕГЕИ.

Литература об О. Н. Кабакове

Кабаков О.Н. С молотком и сачком. Записки геолога и энтомолога. — СПб.: Изд-во ВСЕГЕИ, 2008. — 176 с.

Фролов А.В., Коваль А.Г., Лапо А.В. и др. Памяти О. Н. Кабакова // Энтомологическое обозрение. 2011. Т. 90. № 2. — С. 476–488.

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЛАЗАРЯ ИОСИФОВИЧА САЛОПА (1913–1990)

Выдающийся ученый, один из крупнейших знатоков геологии докембрия, доктор геолого-минералогических наук, профессор. Зрелый период его жизни и особенно послевоенные годы — время интенсивного изучения докембрия во всем мире. Лазарь Иосифович стал одним из признанных лидеров нового научного направления.

Л. И. Салоп родился 9 октября 1913 г. в Гомеле в семье служащего и первое десятилетие жизни почти полностью провел в Белоруссии. Позднее семья переехала в Петербург. Школьные годы были периодом его разносторонних увлечений, в том числе и литературой. Он даже показывал свои результаты известному писателю Константину Федину, который положительно оценил его опыты. Они не прошли бесследно. Как отмечали рецензенты и оппоненты, его научные работы хорошо написаны и создают полное представление о взглядах и наблюдениях автора.

В течение нескольких лет будучи школьником посещал заседания Географического общества и по рекомендации общества совершил первую поездку в одну из сибирских геологических партий. Поездка оказалась судьбоносной и определила его устремления на долгие годы. Но школьными успехами маленький Лазарь не баловал семью, нередко пропускал уроки, в седьмом классе даже остался на второй год.

После окончания школы-девятилетки поступил на коллекторские курсы при ВНИГРИ. Несколько лет работал коллектором, прорабом в различных геологических партиях на Урале, Дальнем Востоке и в Большеземельской тундре. Эти времена Лазарь Иосифович вспоминал неоднократно, они многое для него значили.

В 1933 г. он сдал вступительные экзамены на геолого-почвенный факультет ЛГУ, полагал, что неудачно, но неожиданно с радостью узнал о зачислении в студенты. Учебу в университете совмещал с работами в геологических партиях в Карелии и Абхазии. Первую статью «Геология пегматитовых месторождений Северной Карелии» выполнил еще студентом в 1937 г., ее опубликовали в Трудах ЛГУ в 1940 г. Интерес к геологии Балтийского щита Лазарь Иосифович сохранил и неоднократно возвращался к трактовке особенностей дофанерозойского развития и стратификации древних формаций региона.

1938 год — особая дата в жизни Л. И. Салопа, он с отличием окончил университет и зачислен в аспирантуру на кафедру общей геологии. Первый год — изучение древних толщ Алтая, затем многолетняя работа в труднодоступном Забайкалье. К 1941 г. написана, но не защищена диссертация «Стратиграфия древних геологических образований Западного Забайкалья (докембрий палеозоя)». Защите помешала война.

Л. И. Салоп принадлежал к поколению геологов, прошедших Великую Отечественную войну в рядах Красной Армии, что во многом определило его дальнейшую судьбу. С июня 1941 г. он командир взвода морской пехоты, 15 декабря 1941-го контужен и на некоторое время лишился слуха; результаты контузии сказывались

и в послевоенные годы. Командиром взвода, роты, начальником штаба стрелкового полка Салоп участвовал в тяжелых боях под Нарвой, в обороне Ораниенбаумского плацдарма, позже в освобождении Румынии, Австрии, Венгрии, за что получил звание капитана и ряд боевых наград. Эти трудные годы Л. И. Салоп не любил вспоминать.

С конца 1945 г. Л. И. Салоп — старший научный сотрудник ВСЕГЕИ. К апрелю 1946 г. он восстанавливает утраченную довоенную рукопись и защищает кандидатскую диссертацию по стратиграфии древних толщ Забайкалья.

Геологическое изучение сложнопостроенной Байкальской горной области сопровождалось разномасштабным геологическим картированием. Л. И. Салоп — полевой исследователь и куратор геологосъемочных работ Иркутского и Бурятского управлений. При составлении геологической карты масштаба 1 : 1 500 000 горного обрамления озера Байкал Л. И. Салоп разработал совершенно новый зональный метод построения легенды, отражающий своеобразие развития различных структурно-формационных зон, который нашел впоследствии самое широкое применение.

За почти 20 лет исследований в малодоступных районах Сибири он собирает обширный геологический материал.

1964 г. — еще одна важная дата в жизни Л. И. Салопа. Он успешно защитил докторскую диссертацию, она была опубликована в известной двухтомной монографии «Геология Байкальской горной области» (1964, 1967). В традиционной по форме сводке (стратиграфия, плутонические комплексы,

метаморфизм, тектоника и геологический синтез) объемом 1215 с., включая 340 рисунков, приведены новые данные и создана востребованная геологическая основа для металлогенических исследований в перспективном и слабоизученном регионе, вмещающем крупные и уникальные месторождения. По глубине материала и характеру изложения капитальная монография Л. И. Салопа принадлежит к числу лучших региональных работ прошлого столетия. В ряде статей и в монографии автор развивает представления В. А. Обручева о возрасте древних комплексов сибирского края и особенностях золотоносности Патомского нагорья.

В 1964 г. Л. И. Салоп организует во ВСЕГЕИ сектор геологии докембрия. Почти 23 года он заведовал подразделением и немало сделал для его становления и развития. Тщательный подбор кадров дал хорошие результаты, по количеству и качеству публикаций сектор занимал в институте ведущее положение. Исследования велись по двум пятилетним проектам, предусматривавшим изучение докембрия европейской и азиатской частей СССР. Ответственным исполнителем Сибирского проекта был Л. И. Салоп. Сфера его интересов вскоре заметно расширилась и охватила геологию докембрия северных материков Земли.

Большое внимание в своей деятельности Лазарь Иосифович уделял методическим вопросам и проблемам создания единой шкалы докембрия. Он был сторонником комплексного геологического изучения докембрия с использованием историко-геологического, геохронологических и биостратиграфических методов. Первому методу придавал наибольшее значение, его труды – показательный пример такого комплексного изучения.

В 1973 г. в Ленинграде выходит монография «Общая стратиграфическая шкала докембрия», основанная на периодизации докембрия материков северного полушария. Существенный интерес представляют таблицы корреляции докембрия Восточно-Европейской, Северо-Американской и Сибирской платформ и складчатого обрамления по данным сопоставления 156 региональных разрезов. Работа была переведена на английский язык и получила мировую известность.

Разрабатывая общую стратиграфическую шкалу докембрия (1965), Л. И. Салоп не стал показывать известные региональные подразделения, такие как афебий, рифей и др., и выделил в протерозое палео-, мезо-, нео- и эппротерозойские эры. Эти принципы нашли отражение в структуре Международной шкалы докембрия, принятой уже после его смерти. Названия трех эр протерозоя, предложенных Л. И. Салопом, сохранились в International Stratigraphic Chart 2000, хотя объемы подразделений и геохронологические границы изменены.

В 1971 г. Л. И. Салоп сумел подготовить к печати и издать монографию «Периодизация и корреляция докембрия южных материков. Докембрий Афри-

ки». Как отмечал автор, на основе изучения более чем полусотни дофанерозойских опорных разрезов южного континента стратиграфическая шкала докембрия, установленная для северных материков, вполне пригодна для Африки и может быть использована в глобальных масштабах.

Последняя монография Л. И. Салопа «Геологическое развитие Земли в докембрии» опубликована на русском и английском языках (1982, 1983). Русская версия издана в сокращении и со списком литературы всего из 100 работ. Монография получила ряд благожелательных отзывов в зарубежной печати. Л. И. Салоп становится одним из широко цитируемых авторов в литературе по геологии докембрия. Результаты его исследований публиковались в трудах Международных геологических конгрессов.

Талант исследователя сочетался у Л. И. Салопа с большой трудоспособностью. Помимо интенсивной творческой деятельности и административных обязанностей, он читал курс лекций по докембрию на геологическом факультете ЛГУ, выезжал в различные, в том числе зарубежные командировки (Корея, 1958, 1959; Индия, 1964; Чехословакия, 1968; Канада, 1971), проводил краткосрочные полевые работы в Карелии и на Украине. Результатам полевых исследований уделялось особое внимание. Ежегодно на заседаниях сектора его сотрудники подробно докладывали о своих полевых работах и полученных новых данных, которые всесторонне обсуждались. Л. И. Салоп умело поддерживал в коллективе творческую обстановку.

На счету Л. И. Салопа 162 работы, из них 26 опубликовано за рубежом. Почти все они посвящены геологии докембрия и ранним этапам развития Земли. В них рассмотрены общие тенденции геологической эволюции в дофанерозое, а также стратиграфические, петрографические, тектонические особенности древних комплексов различных континентов. Тематика весьма актуальна, в существенной части нова и практически важна. Несомненно, к обширным материалам и идейным поискам ученого будут еще долго обращаться исследователи, разрабатывающие сложные и многоаспектные проблемы ранней истории Земли.

Литература о Л. И. Салопе

Памяти Лазаря Иосифовича Салопа // Сов. геология. 1990. № 6.

Лазарь Иосифович Салоп (1913–1990) // Регион. геология и металлогения. 1999. № 9. – С. 132.

Вайнблат М.А., Шульдинер В.И. Лазарь Иосифович Салоп // Выдающиеся ученые Геологического Комитета – ВСЕГЕИ / Ред. А.И. Жамойда. – СПб.: Изд-во ВСЕГЕИ, 2000. – С. 163–176.

Мелуа А. И. Салоп Лазарь Иосифович // Геологи и горные инженеры России: Энциклопедия. – М.–СПб.: Изд-во «Гуманистика», 2000. – С. 520.